

ФИЛОСОФИЯ · PHILOSOPHY

Вестник МИРБИС. 2025. № 4 (44)'. С. 194–208.
Vestnik MIRBIS. 2025; 4 (44)': 194–208.

Научная статья
УДК: 1(091) + 116 + 130.2
DOI: 10.25634/MIRBIS.2025.4.21

Transitus statim: преодоление метаконфликта через операциональный жест переназначения симулякра

Сергей Владимирович Сахневич — Институт деловой карьеры, Москва, Россия. crash68@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2068-9250>

Аннотация. Современный человек, желающий изменить свою жизнь, оказывается в фундаментальной ловушке. С одной стороны, он испытывает мучительный метаконфликт — экзистенциальный паралич: неспособность к действию, коренящиеся не в личной слабости, а в разрыве его темпорального опыта. С другой — он атакован бесконечным потоком предложений от индустрии самопомощи: поп-психологией, тайм-менеджментом, коучингом, которые, вопреки обещаниям, лишь усугубляют проблему. Эти инструменты предлагают лишь симулякры преодоления — ложные формы, функционирующие как ловушки, оптимизирующие функционирование «внутри тюрьмы» тиранического настоящего. Философские попытки описания этого кризиса, такие как хайдеггеровская аналитика Dasein с её брошенностью (прошлое), das Man (настоящее) и забеганием вперёд (будущее), на поверку часто вырождаются в новые симулякры — «лесные прогулки как уход от реальности» или «подлинность как упадок» — также становящиеся объектами потребления. В противовес этому, данное исследование предлагает радикальную альтернативу — операциональный жест Transitus Statim (мгновенный переход). Его ключевой принцип — не бегство от симулякров, к которым традиционно относятся негативно, а их диалектическое онтологическое переназначение. Мы предлагаем turning the tables — использовать сами симулякры как инструменты совершенствования. Один и тот же симулякр (образ «успешного себя», «идеального проекта») может быть переназначен из статуса объекта веры (ловушка, консервирующая паралич) в статус операционального инструмента (материал для взлома системы).

Ключевые слова: карьерная траектория, индустрия самопомощи, метаконфликт, общество достижений, операциональный жест, симулякр Transitus Statim, симулякр как инструмент, симулякр-ловушка, темпоральный разрыв.

Для цитирования: Сахневич С. В. Transitus statim: преодоление метаконфликта через операциональный жест переназначения симулякра. DOI: 10.25634/MIRBIS.2025.4.21 // Вестник МИРБИС. 2025; 4:194–208. Original article

Transitus statim: overcoming the metaconflict through the operational gesture of simulacrum reassignment

Sergey V. Sakhnevich — Institute of Business Career, Moscow, Russia. crash68@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2068-9250>

Abstract. Contemporary individuals seeking to change their lives find themselves in a fundamental trap. On the one hand, they experience an agonizing meta-conflict – an existential paralysis and an inability to act, rooted not in personal weakness but in a rupture of their temporal experience. On the other hand, they are besieged by an endless stream of offerings from the self-help industry: pop psychology, time management, coaching – all of which, despite their promises, only exacerbate the problem. These tools offer nothing but simulacra of overcoming – false forms that function as traps, optimizing one's functioning within the prison of a tyrannical present. Philosophical attempts to describe this crisis, such as the Heideggerian analytics of Dasein with its thrownness (past), das Man (present), and running ahead (future), often degenerate into new simulacra – “forest walks as an escape from reality” or “authenticity as decline” – which likewise become objects of consumption. In contrast, this study proposes a radical alternative: the operational gesture of Transitus Statim (instantaneous transition). Its key principle is not an escape from simulacra, which are traditionally viewed negatively, but their dialectical ontological reassignment. We suggest turning the tables – to use the simulacra proper as tools for the refinement. The same simulacrum (the image of a «successful self», an «ideal project») can be reassigned from the status of an object of belief (a trap that perpetuates paralysis) to the status of an operational instrument (material for hacking the system).

Key words: achievement society, meta-conflict, operational gesture, simulacrum of *Transitus Statim*, self-help industry, simulacrum as a tool, simulacrum-trap, temporal rupture.

For citation: Sakhnevich S. V. *Transitus statim*: overcoming the metaconflict through the operational gesture of simulacrum reassignment. DOI: 10.25634/MIRBIS.2025.4.21. *Vestnik MIRBIS*. 2025; 4:194–208 (in Russ.).

Введение

Современная культура характеризуется парадоксальным дуализмом: параллельно с тотальным распространением экзистенциального паралича — метаконфликта — процветает индустрия его мнимого преодоления. Многомиллионные обороты рынка тайм-менеджмента, коучинга и поп-психологии свидетельствуют не об успехе, а о тотальном провале предлагаемых решений [Берковец 2024]. Это рынок, который существует не потому, что решает проблему, а потому, что она не решается. Потребление этих «решений» становится бесконечным циклом: симулякр (например, курс по тайм-менеджменту) временно снимает тревогу, но не ликвидирует коренную причину паралича — темпоральный разрыв. Неудача в применении техники приписывается не её неадекватности, а личной несостоятельности индивида, что порождает потребность в новом, «более правильном» продукте (книге, коуче, приложении).

Эта критика находит поддержку в анализе Марка Фишера, который показывает, что подобные установки, например, императив «работать умнее, а не упорнее», или «и умнее, и дольше, и упорнее», являются частью идеологии «капиталистического реализма», направленной на адаптацию к системе, а не на её изменение [Фишер 2010, 95].

Они апеллируют не к глубинным причинам кризиса, а предлагают лишь симулякры преодоления — пустые знаковые формы, которые, будучи объектом веры и потребления, функционируют как ловушки, оптимизируя функционирование субъекта «внутри тюрьмы» тиранического настоящего. Данные «решения», по точному замечанию Б.-Ч. Хана, являются формами допинга, который «следствие тенденции, при которой сама жизненность сводится к витальной функции и производительности» [Хан 2023, 126].

Однако, симулякр не обладает раз и навсегда заданной сущностью. Его значение и статус — ловушка или инструмент — определяется не внутренним содержанием, а операциональным

жестом по отношению к нему. Данная статья предлагает радикальный онтологический сдвиг в понимании как метаконфликта, так и путей его преодоления. Во-первых, метаконфликт интерпретируется не как психологическая слабость, а как симптом фундаментального разрыва в темпоральном опыте субъекта, вызванного самой логикой современности. Во-вторых, и это является центральным пунктом нашего исследования, единственным подлинным лечением выступает *Transitus Statim* — операциональный жест переназначения симулякра, представляющий собой не техники мотивации, а перформативный акт мгновенного темпорального перекодирования. Один и тот же симулякр — будь то образ «успешного себя», «новой идентичности» или «идеального проекта» — из объекта веры превращается в инструмент жеста, материал для конструирования моста между темпоральными режимами.

Актуальность исследования обусловлена тотальным распространением феномена метаконфликта в современной культуре, который манифестируется как экзистенциальный паралич и неспособность к действию. Неэффективность популярных психолого-управленческих решений, предлагающих лишь симулякры преодоления (ловушки), указывает на исчерпанность подходов, работающих в парадигме оптимизации внутри системы. Это создает запрос на поиск онтологических оснований кризиса и разработку радикальной практики имманентного взлома, которая не отрицала бы симулякр, а утилизировала его против породившей его системы.

Противоречие исследования заключается между общепринятым представлением о метаконфликте как психологической или организационной проблеме, требующей коррекции поведения, и его глубинным онтологическим измерением.

Проблема исследования: каким образом наша онтологическая модель, через категорию операционального жеста переназначения симулякра *Transitus Statim*, может не только вскрыть истинные (темпоральные) причины метаконфликта, но

и предложить эффективный механизм его преодоления через диалектическое переназначение симулякра.

Предмет — диалектическая природа симулякра в контексте метаконфликта: его онтологические основания как «ловушки» и механизм его операционального переназначения в «инструмент взлома».

Цель — разработать онтологическую критику метаконфликта и обосновать *Transitus Statim* как ключевой операциональный жест диалектического переназначения симулякра, переводящего его из статуса объекта веры в статус инструмента темпорального перекодирования.

Задачи:

1. Деконструировать феномен метаконфликта, выявив его экзистенциальные и темпоральные корни.
2. Проанализировать метаконфликт как сбой в темпоральной структуре, проявляющийся в «застревании» в тираническом режиме настоящего и доминировании симулякров-ловушек.
3. Раскрыть диалектическую природу симулякра, доказав, что его онтологический статус (ловушка / инструмент) определяется не имманентными свойствами, а жестом по отношению к нему.
4. Описать *Transitus Statim* как перформативный операциональный жест, насильственно прерывающий метаконфликт через тройное темпоральное перекодирование и акт утилизации симулякра.
5. Разработать практические тактики (праксеологию жеста) совершения темпорального перехода на основе нашей модели, направленные на реализацию жеста переназначения.

Гипотеза: метаконфликт является не отсутствием действия, а действием по сохранению текущего, инертного симулякра-ловушки идентичности.

Научная новизна:

1. Впервые метаконфликт подвергается систематической онтологической критике через призму современной континентальной философии.
2. Предложен не-морализаторский и не-психологизирующий подход к проблеме прокрастинации и паралича, снимающий с индивида вину за «лень» и релятивизиру-

ющий ее до уровня онтологического сбоя.

3. Впервые симулякр рассматривается не как однозначно негативная категория, а как амбивалентный оператор, чей онтологический статус (ловушка или инструмент) определяется практическим жестом субъекта (переназначением).
4. Операциональный жест переназначения симулякра *Transitus Statim* впервые рассматривается как центральная категория, реализующая это переназначение на практике — как терапевтический и практический жест преодоления экзистенциального паралича.
5. Предложена конкретная праксеология — «технология» совершения жеста перехода, включающая тактики минимального жеста, временного принятия и перформативного заявления, направленные на утилизацию симулякра.

Методология исследования

Методология исследования включает комплекс следующих подходов:

1. Онтологическая критика современности для анализа условий возникновения метаконфликта и генезиса симулякров-ловушек.
2. Деконструкция понятия «метаконфликт» и разоблачение симулякра преодоления, предлагаемого индустрией самопомощи.
3. Диалектический анализ для раскрытия двойственной природы симулякра и условий его трансформации из ловушки в инструмент.
4. Феноменологический анализ структуры и акта мгновенного перехода *Transitus Statim* как жеста по утилизации симулякра.
5. Праксеологический подход, направленный на разработку конкретных тактик совершения жеста переназначения.
6. Сравнительный анализ онтологического подхода с популярными психологическими и коучинговыми техниками.

Результаты исследования

1. Феноменология кризиса современного субъекта достижений: от циклической продуктивности к экзистенциальному истощению

Современный субъект, конституированный в парадигме неолиберальной рациональности, представляет собой «субъект достижений», чья

идентичность и самооценку кристаллизуются исключительно через акты перформативной продуктивности и бесконечного самосовершенствования. Его модальность бытия определяется не просто наличием, но непрерывной актуализацией проекта самого себя как жизненного предприятия. Однако имманентная логика данного проекта заключает в себе аутохтонный парадокс: движение по траектории персонального роста неизбежно наталкивается на феноменологический предел, ознаменованный не онтической невозможностью дальнейшего развития, но экзистенциальной исчерпанностью: «духовной истощенностью», возникающей как результат тотальной инструментализации внутреннего мира субъекта. Это отражает циклическая модель с её фазами «Введение», «Рост», «Стагнация», «Упадок», которая является не просто экономической или карьерной метафорой, но онтологической картой бытия-в-мире данного субъекта.

Фаза введения маркирует момент конституирования нового проекта Самости. Здесь энергия направлена на герменевтику самоопределения через призму новой компетенции или идеи. Субъект инвестирует либидинальный капитал в построение основ, где спрос конституируется не столько на внешнем рынке, сколько в пространстве его собственной идентичности.

Фаза роста представляет период имманентной экспансии. Субъект, движимый аффектом оптимизма и потенциалом самопреодоления, вовлечен в процесс поиска оптимальных траекторий. Это стадия активного присвоения внешних правил игры и их интериоризации, превращения внешних требований в внутренние императивы.

Фаза стагнации является ключевой для понимания кризиса. Достигается точка, где дальнейший рост в рамках избранной парадигмы оказывается невозможным. Происходит «сплющивание кривой обучения» (*flattening of the learning curve*), что ведет к феномену, точно схваченному формулой «*job burn-out is job boredom*»: выгорание здесь — это не просто физическая усталость, но радикальная экзистенциальная скука (*profound boredom*), проистекающая из тотальной предсказуемости собственного бытия. Субъект оказывается запертым в режиме перпетуального воспроизводства однажды освоенных операций («*knowing all the right buttons to push*») [McCormack 1986, 90]. Продуктивность сохраня-

ется, но её смысловой горизонт исчезает, обнажая симулятивный характер деятельности — она продолжается исключительно ради поддержания самого ритуала достижения. Это и есть фаза «духовной истощенности», когда субъект, исчерпав внутренние ресурсы смыслопорождения, сталкивается с травмой осознания имманентной пустоты проекта, лишённого телоса, выходящего за рамки его собственного воспроизводства.

Фаза упадка предстает, с одной стороны, как окончательный крах, но, с другой стороны, как момент экзистенциального выбора, точка бифуркации. Энергия системы иссякает, и субъект оказывается перед необходимостью фундаментального жеста: либо капитулировать («уход с арены»), признав исчерпанность данной формы самости, либо совершить акт трансценденции через запуск нового цикла.

2. Индустрия самопомощи: критика

Индустрия самопомощи с её «тайм-менеджментом», «коучингом», «оптимизацией» и многими другими «спасательными кругами» предлагает индивидуализированное «решение» по такому акту, которое маскирует системную проблему, а в случае провала перекладывает вину на самого сотрудника. Масштабное исследование под названием «Тайм-менеджмент и коучинг не спасают от стрессов: программы психического здоровья для сотрудников оказались неэффективны», проведенное Оксфордским университетом, подвергает жесткой критике эффективность корпоративных программ, и вообще программ благополучия. Ключевые выводы исследования таковы:

2.1. Отсутствие измеримой эффективности

Исследование с участием 46,336 работников показало, что популярные программы — по управлению стрессом, осознанности, устойчивости и тайм-менеджменту — не оказали значительного влияния на уровень благополучия сотрудников по сравнению с контрольной группой, которая в них не участвовала.

2.2. Симптоматическое лечение

Авторы исследования напрямую заявляют, что эти программы направлены на лечение симптомов (стресса, выгорания), а не на устранение их коренных причин. Основными причинами стресса называются: токсичная рабочая среда, высокая нагрузка, давление со стороны руководства, неуверенность в завтрашнем дне.

2.3. Эффект бумеранга

В некоторых случаях наблюдается даже отрицательный эффект. Сотрудники, прошедшие тренинги по «позитивному мышлению» и «осознанности», начинали винить себя в собственном выгорании: «Мне рассказали, как справляться со стрессом, а я не справляюсь. Значит, проблема во мне».

2.4. Перенос ответственности

Исследование подчеркивает, что работодатели, внедряя такие программы, часто снимают с себя ответственность за создание здоровых условий труда. Вместо того чтобы повышать зарплаты, нанимать больше людей, снижать нагрузку или менять менеджмент, они покупают корпоративный пакет «осознанности», симулируя заботу о персонале.

2.5. «Управление» зачеркивает «Политику»

Корпоративные программы благополучия (wellness) — это чистейший пример того, как слово «самоуправление» (управляй своим стрессом, своей концентрацией, своим временем) зачеркивает слово «политика» в смысле коллективного действия. Вместо того чтобы организовываться и требовать от руководства системных изменений (коллективный жест), сотруднику предлагают индивидуальный симулякр контроля над тем, что объективно ему неподконтрольно (токсичная среда).

2.6. Ловушка индивидуализации

Проблема стресса, имеющая системные и коллективные корни, преподносится как личная проблема неумения управлять временем или недостатка устойчивости. Это классическая ловушка: система не меняется, а от индивида требуется бесконечная и заведомо проигрышная работа по самооптимизации для выживания внутри неё.

2.7. Подмена цели

Истинная цель — изменение условий труда — подменяется симулякром цели — «повысьте свою личную эффективность, чтобы выдерживать эти условия». Тайм-менеджмент здесь — это не инструмент освобождения времени, а технология по его экстракции из сотрудника для нужд той же системы, которая и является причиной стресса.

3. Верификация индустрии самопомощи

Индустрия самопомощи предлагает симулякры-ловушки, потому что язык этой индустрии функционирует не как система обозначения реальных процессов и объектов, а как самодоста-

точная семиотическая структура, состоящая из пустых означающих, которые отсылают друг к другу, создавая лишь иллюзию решения при фундаментальном разрыве с какой-либо референциальной реальностью. Этот процесс самовоспроизводства знаковой пустоты точно схватывает М. Эпштейн, анализируя кризис постмодерна: «Деконструкция логоцентризма обернулась его приумножением — факторизацией и логомахией, апофеозом грамматоцентризма, самодостаточностью отсылающих друг к другу означающих» [Эпштейн 2001, 4]. Тренд отсылает к другому тренду; мем отсылает к другому мему; фильм полон отсылок к другим фильмам; философская концепция строится на цитатах и отсылках к другим концепциям.

Далее, абстрактность идей. Как метко заметил Э. Б. Кондильяк, «каждый знает по собственному опыту, что идеи тем проще, чем менее они абстрактны и чем ближе к чувствам, и что, наоборот, они тем сложнее, чем более они абстрактны и далеки от чувств» [Кондильяк 1982, 45]. Это наблюдение вскрывает эпистемологическую ущербность дискурса самопомощи, построенного на «всех абстрактных системах, вращающихся лишь в области пустых слов».

Гносеологический принцип, согласно которому «все наши знания происходят из чувств», приводит к фундаментальному выводу: всякая абстрактная идея, чтобы быть осмысленной и операциональной, должна быть редуцирована к чувственному опыту. Легитимность абстракции проверяется её возможностью быть «объяснённой другой, менее абстрактной, и так следует поступать последовательно до тех пор, пока мы не придем к некоторой частной и чувственной идее» [там же]. Именно этот процесс редукции к чувственному опыту и является проверкой на смысл.

Дискурс же индустрии самопомощи систематически нарушает этот принцип. Его ключевые концепты («успех», «самореализация», «абсолютная продуктивность») не имеют конечного референта и образуют замкнутую систему взаимных отсылок, что делает их онтологически пустыми и операционально недееспособными. Они функционируют как «нагромождения принципов на принципы, нелепости на нелепости», по выражению Кондильяка, где «можно с одинаковым успехом употребить как для подтверждения, так и для

опровержения какого-либо тезиса» [там же, 46].

Этот гносеологический изъян превращает такие системы в идеологические конструкторы, чья устойчивость основана не на их способности описывать и преобразовывать реальность, а на их самодостаточности и способности мимикрировать под знание. Кондильяк иллюстрирует это примером слепого, который, не имея чувственного доступа к цвету, мог бы построить столь же сложную и внутренне непротиворечивую, но совершенно ложную систему представлений о цвете, доказывая, что «можно исполнять мелодии при помощи цветов» или что «мелодии можно видеть» [там же, 47]. Подобно этому слепому, индустрия самопомощи предлагает сложные системы управления реальностью (временем, энергией, идентичностью), которые, однако, не имеют выхода к чувственному опыту и реальным практикам субъекта. Они являются симулякрами, имитирующими инструментальность, но не обладающими ею.

3.1. Отсутствие референта

Первый вектор анализа — это выявление отсутствия референта. Смысловое ядро дискурса самопомощи составляют термины-«пустышки»: «успех», «гармония», «самореализация», «абсолютная продуктивность», «поток», «идеальное утро». Эти понятия лишены четкого денотата, то есть не обозначают никакого конкретного, верифицируемого состояния или действия в реальности. Вместо этого они формируют замкнутый логический круг взаимных отсылок: «успех» определяется через «самореализацию», а «самореализация» — через «успех», что делает всю конструкцию идеологической и семантически пустой. Классическим примером служит распространенный императив «Найдите свое призвание и станьте лучшей версией себя!» [Емельянова 2021], который, несмотря на свой вдохновляющий эмоциональный заряд, не обозначает ровным счетом ничего — «призвание» и «лучшая версия» остаются абсолютно произвольными, не операционализируемыми концептами, не имеющими объективных критериев и референтов в реальном жизненном мире.

3.2. Редукция политического и экзистенциального дискурсов к парадигме технической рациональности

Второй критический вектор, развивающий линию — это анализ подмены политического и

экзистенциального измерений — техническим. Язык данной индустрии систематически «зачеркивает» такие фундаментальные понятия, как «политика» (в смысле коллективного действия и изменения структур) и «экзистенция» (в смысле поиска подлинного смысла), подменяя их технократическими терминами «менеджмент» и «техника». Таким образом, глубокий экзистенциальный вопрос о смысле жизни редуцируется до технической задачи по постановке и достижению целей в парадигме тайм-менеджмента. А острая социально-политическая проблема, такая как выгорание на работе, вызванное неолиберальным режимом тотальной производительности, подается не как системный сбой, требующий коллективного политического действия, а как личная неудача индивида, его неумение управлять своей энергией и расставлять приоритеты, что создает спрос на сугубо техническое решение в рамках самоменеджмента. Язык предлагает не трансформировать систему, порождающую патологии, а оптимизировать себя для бесконфликтного функционирования внутри неё.

3.3. Генерация автотеличного спроса в рамках капиталистической метафизики желания.

Третий аспект, на который указывает, это анализ механизма создания самовоспроизводящегося спроса [Фишер 2024, 82]. В языке индустрии должен быть имплицитно зашит алгоритм, гарантирующий неудачу пользователя и формирующий у него перманентную потребность в новом, «более совершенном» продукте. Необходимо выявить эти логические ловушки, где любая неудача в применении предлагаемой методики объясняется не её внутренней неадекватностью или оторванностью от реальности, а исключительно её «неправильным» применением со стороны пользователя, его недостаточной верой, мотивацией или необходимостью приобрести следующую, «продвинутую» версию курса. Таким образом, неудача является не случайностью, а встроенным элементом бизнес-модели, обеспечивающим бесконечный цикл потребления.

3.4. Детерриториализация знака, инициированная размытием устойчивой связи между означающим и означаемым, что приводит к установлению режима скользящего означивания

Наконец, четвертое направление — это демонстрация отрыва означающего от означаемого, явлений «логомахии» (войны слов) и «грамматоцен-

тризма» [Эпштейн 2001, 25]. Дискурс индустрии замыкается на самовоспроизводящихся дискурсах о собственных терминах и методах, которые не имеют выхода к реальной практике изменения жизни. Внутри поля коучинга и менеджмента кипят бесконечные споры о том, чем именно «коучинг» отличается от «менторства», «консалтинга» и «психотерапии». Эти схоластические дебаты, напоминающие средневековый «спор об ангельской булавке», представляют собой самодостаточную игру в означающие, которая продуктивна лишь в генерации нового мета-контента: вебинаров о коучинге для коучей, статей о различных методиках и новых курсов о том, как правильно продавать свои услуги. Этот самозамкнутый дискурс успешно имитирует активность, будучи при этом полностью бесплодным в аспекте реальных изменений в жизни тех, кто изначально ищет помощи.

3.5. Анализ предложений индустрии самопомощи

Возьмем примеры.

3.5.1. Кейс «Недовольство плохой идеей по внедрению KPI: ценность и лидерство»

«...вы столкнулись не с плохой идеей по внедрению KPI. Вы столкнулись с фундаментальным непониманием руководителем своей главной и единственной работы. Задача лидера — создавать ценность. Увеличивать общий пирог, чтобы каждому достался кусок больше. Предложенный им подход — это не про KPI и не про эффективность. Это прямое признание: «Я не знаю, как растить бизнес, поэтому я буду его ужимать, перераспределяя боль на команду». Это не жесткость и не стратегия. Это отказ от выполнения своей ключевой функции. Руководитель, чья единственная идея по росту эффективности — это отобрать у команды, уже проиграл. Ваш вывод «пора бежать» — это единственно верная реакция на лидера, который перестал быть лидером».

3.5.1.1. Эмпирическая верификация на симулякры кейса «Недовольство плохой идеей по внедрению KPI: ценность и лидерство»

Анализ представленного кейса в контексте критики дискурса лидерства позволяет выявить его фундаментальную принадлежность к порядку симулякра, функционирующего в логике гиперреальности, где знаки утрачивают связь с референтами и образуют самодостаточную семиотическую структуру. Эмпирическая верифика-

ция ключевых лексем демонстрирует, что они не являются операциональными понятиями, описывающими управленческую практику, но выступают как симулякры-ловушки, маскирующие свою семантическую пустоту под видом технических решений.

Концепт «создание ценности», позиционируемый как основная задача лидера, при ближайшем рассмотрении обнаруживает тотальную неопределенность. Понятие «ценность» лишено универсального онтологического содержания: его значение радикально варьируется в зависимости от контекста (для акционеров — дивиденды, для сотрудников — комфортная атмосфера, для клиентов — качество продукта). Отсутствуют не только объективные критерии его измерения, но и проверенные алгоритмы достижения, что превращает его в пустое означающее, функционирующее в режиме идеологического мифа, а не практического руководства к действию.

Метафора «увеличения общего пирога», предполагающая бесконфликтный рост и справедливое распределение, представляет собой классический пример симулякра бесконфликтного развития. Она игнорирует фундаментальные экономические законы ограниченности ресурсов и неизбежности конфликта интересов, подменяя структурный анализ риторикой консенсуса. В реальности экономические отношения часто являются игрой с нулевой суммой, а рост одного сектора или подразделения может осуществляться за счет перераспределения, а не приумножения ресурсов.

Бинарная оппозиция «лидер / не лидер» реифицирует сложный, процессуальный и контекстуально зависимый феномен лидерства, сводя его к статичной и мифологизированной категории. Лидерство не является раз и навсегда заданным свойством индивида; оно проявляется ситуативно и оценивается субъективно различными членами команды. Данный симулякр служит механизмом возложения ответственности за системные провалы на индивидуальные качества руководителя, что снимает с организации необходимость структурных изменений.

Рекомендация «бежать» как «единственно верная реакция» является кульминацией этого симулятивного дискурса, предлагая простое и деструктивное решение для сложной, многомерной организационной проблемы. Она игнори-

рует плюрализм возможных стратегий (от противостояния и попыток изменения ситуации до адаптации), а также контекстуальные факторы и неопределенность последствий любого выбора, подменяя стратегический анализ моральным императивом.

3.5.2. Кейс «Тайм-менеджмент»

Представленный текст является классическим примером дискурса тайм-менеджмента. Автор провозглашает создание системы тотального контроля над временем, основанной на принципах гиперрационализации и предсказуемости. Во-первых, это «повышенная осознанность времени», создающий образ сверхчеловеческого, почти машинного восприятия временного континуума («almost minute-by-minute awareness»). Во-вторых, «каталог быстрых путей» предлагает наличие статичной базы данных оптимальных решений. В-третьих, «запрограммированный отдых» представляет расслабление как действие, подчиняющееся волевому контролю. Наконец, рекомендации автора, основанные на эксклюзивных привилегиях: наличие пяти резиденций, первый класс авиаперелётов как универсальные техники. Таким образом, текст создаёт гиперреальность, где время — это линейный, идеально измеряемый ресурс, а человек — рациональный робот, осуществляющий тотальную оптимизацию.

3.5.2.1. Эмпирическая верификация на симулякры кейса «Тайм-менеджмент»

Лексема-симулякр «Повышенное состояние осознанности времени» (heightened state of time consciousness) обещает достижение состояния сверхчеловеческого восприятия временного континуума, позволяющего оперировать временем с инструментальной точностью, вплоть до поминутного учёта. Эмпирическая верификация демонстрирует онтологическую несостоятельность данного концепта: восприятие времени человеком имманентно субъективно и подвержено когнитивным искажениям, зависящим от аффективных состояний (стресс, усталость, поток). В состоянии потока время субъективно ускоряется, при монотонной работе — замедляется, что делает объективное «минутное» восприятие принципиально недостижимым. Более того, утверждение о возможности тотального учёта временных затрат («I know how long it takes me to do everything») является эмпирически ложным, ибо невозможно предугадать длительность непредвиденных со-

бытий — будь то незапланированный разговор, задержка обработки запроса или решение внезапно возникшей проблемы.

Симулякр «Каталог “быстрых путей”» (a catalogue of “quick cuts”) апеллирует к наличию у индивида статичной ментальной базы данных, содержащей оптимальные решения для любой ситуации (быстрые маршруты, заведения, процедуры), тем самым обещая устранение неопределённости (time-wasting vagueness). Однако эмпирическая проверка выявляет его несостоятельность в силу фундаментальной динамичности мира: любой подобный каталог мгновенно устареваает — ресторан меняет повара и скорость обслуживания, лифт выходит из строя, авиакомпания изменяет правила. Кроме того, данный симулякр игнорирует имманентный хаос реальности — ДТП, болезни, форс-мажоры, — которые не могут быть учтены в любой статичной системе. Следовательно, это симулякр знания, подменяющий необходимое для навигации в хаотичном мире гибкое, адаптивное мышление иллюзией наличия готовых, всегда работающих ответов.

Концепт «Запрограммировать эти нерабочие активности в свое расписание» (programme these non-work activities into my schedule) предполагает возможность включения отдыха и расслабления по расписанию, аналогично компьютерной программе, включая принуждение себя к наличию времени на релаксацию и освобождение ума от рабочих мыслей по команде. Эмпирическая верификация со всей очевидностью демонстрирует, что расслабление является состоянием, а не действием, и потому не может быть «запланировано» волевым актом. Попытка такого планирования приводит к обратному эффекту — фрустрации и стрессу от невозможности достичь предписанного состояния. Невозможность контроля мыслей также подтверждается базовыми положениями психологии: императивное подавление мыслей о работе гарантированно вызывает их навязчивый приток, поскольку ментальное отключение представляет собой сложный психофизиологический процесс, не подчиняющийся прямому волевому контролю.

Симулякр «Пять основных резиденций» (five principal residences) подаётся как элемент системы эффективного тайм-менеджмента, позволяющий избегать транспортировки вещей. Однако его эмпирическая верификация немедленно

вскрывает элитизм, маскируемый под универсальность: для абсолютного большинства населения наличие даже одной резиденции является жизненной целью, а не инструментом управления временем. Данный концепт представляет собой не методологию тайм-менеджмента, а демонстрацию управления капиталом, и потому является симулякром доступности, маскирующим эксклюзивные привилегии под общедоступную технику продуктивности. Это грубая ловушка, предлагающая читателю недостижимый оригинал — финансовые возможности автора.

Наконец, симулякр «Простая корректировка на двадцать минут» (a simple twenty-minute adjustment) предлагает простое и очевидное решение системных проблем (пробки, очереди), обвиняя тех, кто его не применяет, в иррациональности. Эмпирическая проверка выявляет его полную оторванность от реальности: люди не могут произвольно изменить рабочий график, покинуть рабочее место в произвольное время или игнорировать социальные и семейные обязательства (например, отвоз детей в учебное заведение). Данный симулякр игнорирует комплекс социально-экономических ограничений, подменяя системные проблемы индивидуальной виной и создавая у читателя чувство неполноценности из-за невозможности применить «простое» решение в сложно устроенном мире.

4. Онтология кризиса: симулякры-ловушки как реакция на метаконфликт

4.1. Истоки симулякров-ловушек

В логике «общества достижений» ценность субъекта измеряется исключительно через его *actus* — продуктивность, эффективность, конвертируемые достижения. Его внутренняя *energeia* — жизненная сила — лишается ценности само по себе и обретает её лишь будучи опредмеченной в действии, измеренной и оптимизированной: субъект вынужден постоянно доказывать свое право на существование через внешние результаты, истощая внутренний ресурс. Это берет свое начало от древнего перевода, не просто лингвистического, но и ценностного, греческого понятийного аппарата на латынь, в частности, передача *energeia* как *actus* (акт, действие) римскими авторами (напр., Боэцием), сопровождавшаяся трансформацией [Фатальность одного перевода или проклятие слова *Actus* 2020]. Если греческая философская культура была ори-

ентирована на созерцание как высшую форму реализации человеческой сущности — ключевым для онтологии Аристотеля является понятие *ἐνέργεια*, означающее имманентную полноту бытия, раскрывающую свою потенцию (*δύναμις*), то римский мир был миром права, порядка и практической эффективности. Доблесть (*virtus*) понималась как доблесть, проявляющаяся в публичном действии, а не во внутреннем состоянии [Боэций 1990, 63]. В результате произошел метафизический сдвиг: акцент в понимании человеческого существования переместился с самодостаточного бытия на внешний результат (*actus*). Эта многовековая семантическая трансформация предвосхитила и заложил онтологические основания экзистенциального кризиса современности и симулякров-ловушек.

4.2. Товарный симулякр-ловушка

Система превращает потенциальные формы сопротивления в товарные симулякры, лишая их подрывной силы: «альтернатива» и «независимость» не указывают ни на что за пределами мейнстримной культуры. Напротив, они являются стилями, то есть, в действительности, единственными господствующими стилями мейнстрима [Фишер 2010, 24]. Симулякр-ловушка функционирует не через прямое отрицание, а через инкорпорацию и опорожнение смысла. Происходит фундаментальная для современности подмена, где симулякры «управления», «техники» и «культуры» вытесняют подлинные практики: «Имя "культура" сотрет "искусство". Слово "техника" зачеркнет слово "наука". Слово "менеджмент" — слово "политика"» [Бадью 1999, 13].

4.3. Симулякр-ловушка «принадлежности»

Человек рискует попасть под влияние симулякра став «частичной деталью частичной машины», теряя целостность и способность к осмысленному действию [Ильенков 2006, 32–41]. Подлинные идеалы, отрываясь от практики их реализации, превращаются в «идолов» — застывшие, отчуждённые формы, которым поклоняются вместо того чтобы стремиться к подлинному развитию [там же, 44–55, 86–106]. Управленческие идеалы работы в команде, религиозные и философские идеалы оказываются пустыми формами, «чёрными ящиками», которые не ведут к изменению реальности, а лишь примиряют с ней [там же, 16–27].

4.4. Симулякр-ловушка свободы

Даже если современный субъект достижений

свободен от внешнего принуждения, то есть от работы на кого-то, он оказывается в ловушке собственной свободы, превращающейся в насилие: даже став «предпринимателем самого себя», субъект оказывается в состоянии перманентной самоэксплуатации и внутренней войны [Хан 2023, 64].

4.5. Симулякр-ловушка выбора и движения

Фишер описывает концепцию «капиталистического реализма» как «рефлексивное бессилие» — состояние паралича, проистекающее не из отсутствия знания о проблеме, а из ощущения тотальной невозможности её преодоления в рамках системы. «Они знают, что всё плохо, но, кроме того, они знают, что они не могут с этим ничего поделать. При этом само это «знание», эта рефлексивность — не пассивное наблюдение над уже сложившимся положением вещей, а самосбывающееся пророчество и самовоспроизводства знаковой пустоты [Фишер 2010, 48]. Современный консенсус, воспроизводимый медиа-аппаратом, «подавляет возможность подлинных событий и истин», создавая ситуацию, когда «сегодня сложно именно выпутаться из консенсуса» [Бадью 2019, 10, 45–50].

5. Диалектика симулякра: от ложной дихотомии к операциональному переназначению

Платоновская традиция, видит в симулякре лишь ложную копию, ущербную вторичность. Жиль Делёз радикально порывает с этой традицией и утверждает симулякр как позитивную силу становления, ускользающую от диктата тождества и подлинности: «Чистое становление, беспредельность — вот материя симулякра» [Делёз 2011, 12]. Важно подчеркнуть, что предлагаемые далее тактики не являются прямым и единственно верным применением философии Делёза. Скорее, они представляют собой прагматический синтез, вдохновленный его идеей освобождения от диктата «подлинности». Мы используем операциональность не как цель, а как стартовый импульс для имманентного процесса становления, позволяющий выйти из паралича и открыть пространство для непредсказуемых изменений. Задача тактик — не достичь немедленного результата, а достичь немедленного перехода, запустить движение. В этом ключе стоики, по Делёзу, совершили революционный переворот, открыв сферу поверхностных эффектов-событий, не сводимых к глубине тел и их состояний: «Стоики открыли

поверхностные эффекты. Симулякры перестают быть подпольными мятежниками» [там же, 19].

5.1. Смена парадигмы

Фундаментальной причиной, по которой индивид остается в плену симулякра-ловушки, является отсутствие «поднятия мятежа», отсутствие смены базовой парадигмы, выступающей мета-рамкой для мышления и действия. Симулякр-ловушка, такой как «идеальный тайм-менеджмент», представляет собой не что иное, как радикализацию и доведение до абсолюта ценностей этой парадигмы, создавая иллюзию тотального контроля над временем и обстоятельствами по аналогии с инженерным механизмом. Попытки использования любого, даже потенциально освобождающего, инструмента внутри старой парадигмы обречены на неудачу, поскольку они не затрагивают системных оснований проблемы. Стремление индивида, сконфигурированного как «эффективный винтик», применить новый «лайф-хак» или технологию для повышения продуктивности лишь усугубляет положение.

Подлинное освобождение возможно лишь через смену парадигмы — радикальный переход к иной системе координат, где человек заново начинает цикл, и это придает новый и свежий импульс и порыв. В рамках этой новой парадигмы тот же самый инструмент, например, техника тайм-менеджмента, кардинально меняет свою функцию: он служит не для экстракции дополнительной производительности, а для освобождения времени и энергии для достижения крайнего предела своих способностей.

Этот парадигмальный сдвиг непосредственно вызывает преодоление «тирании настоящего» — режима темпоральности, при котором будущее детерминировано настоящим, выступая его простым линейным продолжением. Пример поиска работы программистом с несколько улучшенными параметрами в рамках той же профессиональной идентичности является классическим случаем такого продления. Инерция настоящего — навыки, социальный статус, ожидания — блокирует возможность качественного скачка в принципиально иное будущее, удерживая субъекта в семантическом поле старого симулякра.

5.2. Гегемония веры в симулякрах

Жиль Делёз отмечает: «Парадокс противостоит доксе, обоим аспектам доксы, а именно — здравому смыслу и общему смыслу» [там же, 105].

Индустрия самопомощи функционирует именно в регистре доксы, предлагая очевидные, но семантически пустые решения, которые укрепляют тождество субъекта и воспроизводят тиранию наличного настоящего. Она апеллирует к «здравому смыслу», который, однако, оказывается идеологическим конструктом, направленным на сохранение статус-кво. Симулякры этой индустрии («успех», «продуктивность», «идеальное я») функционируют не через принуждение, а через добровольное принятие и веру – они становятся объектами гегемонии в грамшианском смысле, где подчинение становится внутренней потребностью.

В противоположность этому, операциональный жест переназначения симулякра, назовем его *Transitus Statim*, является по своей сути парадоксальным — он подрывает эту доксу, используя продукт системы (симулякр) не по назначению (как объект веры), а как инструмент для её имманентного взлома. Симулякр, таким образом, лишается фиксированного онтологического статуса. Его режим (ловушка / инструмент) определяется не имманентными свойствами, а внешней операцией, жестом субъекта, который перекодирует его функцию.

Данный подход находит поддержку в идее «культуроники» М. Эпштейна, который предлагает рассматривать знаковые системы не как ложь, подлежащую разоблачению, а как пластичный материал для конструирования новых смыслов через игру с их возможностями [Эпштейн 2001, 11]. Симулякр утилизируется не через отрицание, а через операциональное использование — он становится строительным материалом для конструирования новых темпоральных режимов.

Элементы самой системы могут быть переориентированы против её патогенных эффектов: усталость из симптома истощения («разлучающая») может стать источником созерцания («одухотворяющая»), а негативная потенция («не-мочь») — основой для подлинного действия «пере-жизни», выводящего за рамки императива производительности [Хан 2023, 78].

Операциональный жест переназначения симулякра *Transitus Statim* полностью соответствует онтологической структуре события: истина конституируется не через внешнее знание или закон, а через субъективную декларацию, перформативный акт верности событию-разрыву.

Если сам акт перекодирования представляет собой событие, то последующее удержание новой темпоральности через тактики утилизации воплощает то, что Бадью называет «верностью событию» — субъективной работой по реализации открывшейся возможности [Бадью 2019, 16, 65].

Анализируя фигуру апостола Павла, Бадью усматривает в нем оператора такого разрыва, который осуществляется не через диалектическое снятие, а через радикальное событие, утверждающее себя как меняющую парадигму — от фарисея, радикального гонителя христиан, до апостола Иисуса, радикального защитника христиан. Этот разрыв скачкообразен: «Событие просто случилось в безличности пути... Субъект воскресает в самом Павле» [Бадью 1999, 18, 38–39, 57–58, 63].

5.3. Праксеология жеста: тактики операционального переназначения

«Мой друг, чтоб мир переварить
Во всех его опасных блюдах,
Решишь, ты должен вмиг и чудом
Одну лишь жабу проглотить»
[Ницше 2023, 9].

Ключевой принцип праксеологии жеста — антидогматизм. Важен не жест сам по себе, а его эффект — вывод из состояния паралича. Читателю предлагается не обязанность их выполнять, а творческая задача найти собственные, индивидуальные жесты, которые резонируют с его уникальной ситуацией. Цель — не идеальное выполнение тактик, а запуск процесса изменения: от рефлексивного паралича («что делать?», «как начать?») к перформативному действию, «мгновенному глотанию жабы», которое само конституирует новый темпоральный режим [Делёз 2011, 105].

Мы выделяем три ключевые тактики, каждая из которых представляет собой практическое воплощение архетипов Гермеса, Агиса, Апостола Павла и других, как операторов переназначения. Глубинный импульс к такому переходу метко выражен М. Горьким: «Хочу вчерашний день, очищенный от мелочей, связать с сегодняшним, надеясь, что сегодняшний от этого будет понятнее и оправданнее» [Шаталова 1973, 41].

Первая тактика — тактика минимального жеста — основана на принципе имманентного разрыва инерции через совершение микродействия, которое невозможно оспорить как слож-

ное или требующее мобилизации значительных ресурсов. Её суть заключается не в попытке глобального изменения («начать новую жизнь»), а в перформативном отказе от автоматического воспроизводства старого режима. Например, вместо попытки стать «жаворонком», просто вылить чашку кофе в окно и 5 минут смотреть в это окно без телефона. Сделайте это как ритуал-цитату, а не как долг. Ключевой аспект — жест совершается как цитата, как использование образа, а не как попытка ему соответствовать. Это снимает бремя тотального соответствия симулякру и запускает машинальный акт, выводящий из паралича [Бадью 1999, 16].

Вторая тактика — тактика временного принятия и гиперболизации — основана на диалектическом принципе: чтобы переназначить симулякр, необходимо сначала имманентно принять его правила, но довести их до абсурда, тем самым обнажив их механистичность и операциональность. Если субъект застрял в симулякре «идеального проекта» (написание статьи, запуск бизнеса), он не должен пытаться «найти вдохновение»: он не должен «писать гениальную статью», а с 10:00 до 10:15 быть «машиной по написанию 50 слов» [Хан 2023, 126]. Концепция перформативности Батлер позволяет экстраполировать этот механизм на конституирование субъективности через дискурсивные практики [Butler 2002, 221].

Третья тактика — тактика перформативного заявления новой идентичности — совершить вербальный или письменный акт, который не описывает его состояние, а учреждает новое. Например, я — человек, который пишет диссертацию, даже если не написано ни строчки. Важно, что это не аффирмация на успех, а перформативное утверждение нового статуса. Это заявление не требует немедленного подтверждения делом; его функция — разорвать семантическое поле старой идентичности («прокрастинатор», «неудачник») и создать точку сборки для нового темпорального режима [Бадью 2019, 65, 75].

Важно отметить, что перформативное заявление обретает силу не в вакууме, а в поле социальных отношений. Для консолидации новой идентичности критически важно найти или создать микросообщество признания (даже состоящее из одного человека) или материальный артефакт, который будет выступать внешним подтверждением внутреннего изменения. Заявлению «Я — ре-

месленник» может предшествовать жест «купить кусок глины», а не просто произнести фразу. Это создает точку опоры для новой идентичности в материальном мире. Теоретическое обоснование и междисциплинарные корреляции показывают, что тактика перформативного заявления получает строгое обоснование в теории речевых актов Остина, где высказывание не описывает, а учреждает реальность [Austin 1962, 166 p.].

Праксеология жеста соответствует базовым психологическим потребностям: автономии (жест как акт воли), компетентности (инструментальное владение симуляком) и связанности (преодоление экзистенциальной изоляции) в рамках теории самоопределения Деси и Райан [Deci 2000, 68–78]. Метод ограничен контекстом субъекта, обладающего минимальной рефлексивной способностью и ресурсами, что вводит критерий «эпистемической готовности» и ответственности исследователя за обозначение ограничений [Фишер 2010, 48]. В отличие от когнитивно-поведенческой терапии, работающей с содержанием когниций, операциональный жест переназначения симулякра *Transitus Statim* оперирует онтологическим статусом симулякра. Сходство с терапией принятия и ответственности проявляется в принятии опыта, но добавляется измерение учреждающего жеста.

5.4. Ограничения и область применения

Представленный метод эффективен в контексте экзистенциального и профессионального кризиса, прокрастинации и выгорания легкой и средней степени тяжести, где основной барьер — это рефлексивный паралич. Однако он не является заменой психотерапии при клинической депрессии, тревожных расстройствах или последствиях тяжелой психологической травмы.

Метод работает на уровне сознательных практик и не затрагивает глубинные бессознательные конфликты и аффективные блоки. Если паралич является симптомом более глубоких проблем, тактики могут оказаться неэффективными и усилить чувство вины («я даже не могу сделать минимальный жест»). Метод находит солидное основание в энантикизме, где сознание творит реальность через действие, а минимальный жест и перформативное заявление выступают формами энантики — телесного конструирования реальности.

Заключение (Выводы)

Предложенный операциональный жест пере-

назначения симулякра *Transitus Statim* и его праксеология как жеста представляют собой радикальный подход к преодолению метаconfликта, основанный не на оптимизации внутри системы, а на имманентном взломе её темпоральных оснований через операциональное переназначение симулякра. Этот метод предлагает альтернативу бесконечному циклу потребления продуктов индустрии самопомощи, переводя фокус с личной вины за «неуспех» на системные причины кризиса и предоставляя инструмент для его практического преодоления.

Однако, как и любой метод, операциональный жест переназначения симулякра *Transitus Statim* имеет четкие ограничения и область применения, которые необходимо обозначить.

1. Метод эффективен в контексте экзистенциального и профессионального кризиса, прокрастинации и выгорания легкой и средней степени тяжести, где основной барьер — это рефлексивный паралич, вызванный «тиранией настоящего» и давлением симулякров-ловушек. Он предназначен для субъектов, обладающих минимальной рефлексивной способностью и ресурсами для совершения операционального жеста («эпистемическая готовность»).
2. Крайне важно подчеркнуть, что данный метод не является заменой профессиональной психотерапии или психиатрического лечения при клинических состояниях, таких как клиническая депрессия, тяжелые тревожные расстройства, ПТСР или последствия тяжелой психологической травмы. В этих случаях паралич и отсутствие действия являются симптомами глубоких биохимических и психических нарушений,

требующих вмешательства специалиста. Применение тактик операционального жеста переназначения симулякра *Transitus Statim* в такой ситуации может усугубить чувство вины и несостоятельности («я не могу сделать даже минимальный жест»).

3. Метод работает в основном на уровне сознательных практик и перформативных актов. Он не предназначен для проработки глубинных бессознательных конфликтов, травм и аффективных блоков. Если экзистенциальный паралич является лишь поверхностным проявлением более глубоких, неосознаваемых проблем, предложенные тактики вероятно окажутся неэффективными или дадут лишь краткосрочный эффект.
4. Для совершения жеста необходим некоторый остаточный уровень энергии и волевого усилия. В состоянии полного истощения, апатии или ангедонии, характерных для тяжелого выгорания или депрессии, способность к инициации даже микро-действия может быть критически снижена, что ограничивает применимость метода.

Операциональный жест переназначения симулякра *Transitus Statim* не следует рассматривать как универсальную панацею. Это действенный инструмент в своей нише — для преодоления рефлексивного ступора и запуска имманентного изменения у субъекта, находящегося в конфликте с темпоральным режимом «общества достижений». Для решения проблем, лежащих за пределами этой ниши, необходимы иные, более специализированные и глубокие методы вмешательства.

Список источников

1. Бадью 1999 — Бадью А. Апостол Павел: обоснование универсализма / Перевод с французского О. Головой. Москва : Московский философский фонд ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 1999. 94 с.
2. Бадью 2019 — Бадью А. Истинная жизнь. Москва : РИПОЛ классик, 2019. 176 с. ISBN: 978-5-386-12089-4.
3. Берковец 2024 — Берковец А. Тайм-менеджмент и коучинг не спасают от стрессов: программы психического здоровья для сотрудников оказались неэффективны. Текст : электронный // Московские новости : сетевое издание. 22 янв. 2024. URL: <https://www.mn.ru/smart/tajm-menedzhment-i-kouching-ne-spasayut-ot-stressov-programmy-psiicheskogo-zdorov-ya-dlya-sotrudnikov-okazalis-ne-effektivny> (дата обращения: 22.01.2024).
4. Боэций 1990 — Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты. Москва : Наука, 1990. 413 с. ISBN: 5-02-007954-5.
5. Делез 2011 — Делез Ж. Логика смысла / Перевод с французского Я. И. Свирского. Москва : Академический Проект, 2011. 472 с. ISBN: 978-5-8291-1251-6.

6. Емельянова 2021 — Емельянова С. «Глубоко внутри вы всегда знали, чем хотите заниматься»: как найти свое призвание. Текст : электронный // Т—Ж : сетевой журнал ТБанка. 10.03.2021. URL: https://t-j.ru/who-am-i/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 15.09.2025).
7. Ильенков 2006 — Ильенков Э. Об идолах и идеалах. Киев : Час-Крок, 2006. 312 с. ISBN: 966-96617-0-6.
8. Кондильяк 1982 — Кондильяк Э. Б. Трактат о системах [Перевод с французского]. В 3-х т. Том 2. Москва : Мысль, 1982. 211 с.
9. Ницше 2023 — Ницше Ф. Весёлая наука. Санкт-Петербург [перевод с немецкого]. Азбука, 2023. 352 с. ISBN: 978-5-389-10139-5.
10. Фишер, 2010 — Фишер М. Капиталистический реализм: альтернативы нет? [перевод с немецкого]. Москва : Ультракультура 2.0, 2010. 144 с. ISBN: 9781846943171.
11. Фишер 2013 — Фишер М. Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем / Перевод с англ. Ермаковой М. Москва : Новое литературное обозрение, 2024. 256 с. ISBN: 978-5-4448-2533-4.
12. Хан 2023 — Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / Перевод с нем. А. С. Салина. Москва : Лёд, 2023. 160 с. ISBN: 978-5-17-152220-9.
13. Шаталова 1973 — Шаталова В. М. Имя и характер: характерологические функции собственных имен в «Жизни Клима Самгина» М. Горького // Русская речь: научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР. 1973; 5:38–44. ISSN: 0131-6117. Текст : электронный. URL: <https://www.russkayarech.ru/ru/archive/1973-5/38-44> (дата обращения: 15.09.2025).
14. Эпштейн 2001 — Эпштейн М. Философия возможного. Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. 334 с. ISBN: 5-89329-424-6.
15. Austin 1962 — Austin J. L. How to Do Things with Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955. Oxford : At the Clarendon Press, 1962. 166 p. Текст : электронный. URL: https://pure.mpg.de/rest/items/item_2271128/component/file_2271430/content (дата обращения: 15.09.2025).
16. Butler 2002 — Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. London : Routledge, 2002. 221 p. ISBN: 0-203-90279-3.
17. Deci 2000 — Deci E. L., Ryan R. M. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. DOI:10.1037/0003-066X.55.1.68 // American Psychologist. 2000; 55:68–78.
18. McCormack 1986 — McCormack M. What They Don't Teach You at Harvard Business School. Bantam, 1986. 288 p. ISBN: 978-0553345834.

References

1. Badiou A. *Apostol Pavel: obosnovaniye universalizma* [The Apostle Paul: Justification of Universalism]. Translated from the French by O. Golova. Moscow : Moskovskiy filosofskiy fond Publ.; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 1999. 94 p. (in Russ.).
2. Badiou A. *Istinnaya zhizn'* [The True Life]. Moscow : RIPOI Classic Publ., 2019. 176 p. ISBN: 978-5-386-12089-4 (in Russ.).
3. Berkovets A. Taym-menedzhment i kouching ne spasayut ot stressov: programmy psikhicheskogo zdorov'ya dlya sotrudnikov okazalis' neeffektivny [Time Management and Coaching Do Not Relieve Stress: Mental Health Programs for Employees Proved Ineffective]. Text : electronic. *Moskovskie Novosti* : online publication. 2024, January 22. URL: <https://www.mn.ru/smart/tajm-menedzhment-i-kouching-ne-spasayut-ot-stressov-programmy-psihicheskogo-zdorov-ya-dlya-sotrudnikov-okazalis-ne-effektivny> (accessed: 01/22/2024) (in Russ.).
4. Boethius. *"Utesheniye filosofiyey" i drugiye traktaty* [The Consolation of Philosophy and Other Treatises]. Moscow : Nauka Publ., 1990. 413 p. ISBN: 5-02-007954-5 (in Russ.).
5. Deleuze J. *Logika smysla* [The Logic of Sense]. Translated from French by Ya. I. Svirsky. Moscow : Akademicheskyy Proekt Publ., 2011. 472 p. ISBN: 978-5-8291-1251-6 (in Russ.).
6. Yemelyanova S. "Gluboko vnutri vy vseгда znali, chem khotite zanimat'sya": kak nayti svoye prizvaniye ["Deep Inside, You Always Knew What You Wanted to Do": How to Find Your Calling]. Text : electronic. T-J : TBank's online journal. March 10, 2021. URL: https://t-j.ru/who-am-i/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (accessed: September 15, 2025) (in Russ.).
7. Ilyenkov E. *Ob idolakh i idealakh* [On Idols and Ideals]. Kyiv : Chas-Krok Publ., 2006. 312 p. ISBN: 966-96617-0-6.
8. Condillac E. B. *Traktat o sistemakh* [Treatise on System]. Translated from French. In 3 volumes. Volume 2. Moscow : Mysl', Publ., 1982. 211 p. (in Russ.).

9. Nietzsche F. *The Gay Science* [Vesolaya nauka]. Translated from German. Saint Petersburg : Azbuka Publ., 2023. 352 p. ISBN: 978-5-389-10139-5 (in Russ.).
10. Fischer M. *Kapitalisticheskiy realizm: al'ternativy net?* [Capitalist Realism: No Alternative?]. Translated from German. Moscow : Ultrakultura 2.0 Publ., 2010. 144 p. ISBN: 9781846943171 (in Russ.).
11. Fischer M. *Prizraki moyey zhizni. Teksty o depressii, khontologii i utrachennoy budushchem* [Ghosts of My Life. Texts on Depression, Hauntology, and the Lost Future]. Translated from English by M. Ermakova. Moscow : Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ., 2024. 256 p. ISBN: 978-5-4448-2533-4 (in Russ.).
12. Khan B.-Ch. *Obshchestvo ustalosti. Negativnyy opyt v epokhu chrezmernogo pozitivnogo* [The Society of Fatigue. Negative Experience in the Age of Excessive Positivity]. Translated from German by A.S. Salin. Moscow: Led Publ., 2023. 160 p. ISBN: 978-5-17-152220-9 (in Russ.).
13. Shatalova V. M. *Imya i kharakter: kharakterologicheskiye funktsii sobstvennykh imen v "Zhizni Klime Samgina" M. Gor'kogo* [Name and character: characterological functions of proper names in "The Life of Klim Samgin" by M. Gorky] // Russian Speech: popular science magazine of the Institute of the Russian Language of the USSR Academy of Sciences. 1973; 5:38–44. ISSN: 0131-6117. Text : electronic. URL: <https://www.russkayarech.ru/ru/archive/1973-5/38-44> (accessed: 15/09/2025) (in Russ.).
14. Epstein M. *Filosofiya vozmozhnogo* [Philosophy of the Possible]. St. Petersburg : Aletheia Publ., 2001. 334 p. ISBN: 5-89329-424-6 (in Russ.).
15. Austin J. L. *How to Do Things with Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955*. Oxford : At the Clarendon Press, 1962. 166 p. Текст : электронный. URL: https://pure.mpg.de/rest/items/item_2271128/component/file_2271430/content (accessed: 15/09/2025).
16. Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. London : Routledge, 2002. 221 p. ISBN: 0-203-90279-3.
17. Deci E. L., Ryan R. M. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. DOI:10.1037/0003-066X.55.1.68. *American Psychologist*. 2000; 55:68–78.
18. McCormack M. *What They Don't Teach You at Harvard Business School*. Bantam, 1986. 288 p. ISBN: 978-0553345834.

Информация об авторе:

Сахневич Сергей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой лингвистики, АНО ВО «Институт Деловой Карьеры», ул. Нижегородская, 32/4, Москва, 109029, Россия.

Information about the author:

Sakhnevich Sergey V. — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Head of the Department of Linguistics, Institute of Business Career, 32/4 Nizhegorodskaya St., Moscow, 109029, Russia.

Статья поступила в редакцию 16.10.2025; одобрена после рецензирования 07.11.2025; принята к публикации 28.11.2025.
The article was submitted 10/16/2025; approved after reviewing 11/07/2025; accepted for publication 11/28/2025.